

ных слоев российского общества. В качестве наиболее яркого примера можно рассмотреть отрывки из «Манифеста о сборе внутри Государства земского ополчения» от 6 июля 1812 г. «Божьей милостью Мы, Александр Первый, Император и Самодержец Всероссийский... Неприятель вступил в пределы Наши и продолжает нести свое оружие внутрь России... Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска Наши... Мы уже воззвали к первопрестольному граду Нашему Москве; а ныне взываем ко всем Нашим верноподанным, ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским, приглашая их вместе с Нами единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не вникая никаким его лукавством и обманом. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и Духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ Русский! Храброе потомство храбрых Славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках никакие человеческие силы вас не одолеют»¹.

Государь обращается как к обществу в целом, так и к каждому сословию в отдельности. Основной объединяющий призыв состоит в том, чтобы защищать не просто родную землю, но защищать свою веру. Отсюда повторения слова «Бог», «Божья милость», «благодать». Враг предстает в этом тексте в образе зверя. Трудно представить образ более мощный и понятный для православного человека. Вместе с тем, посыл этой речи состоит в том, что враг хитер и опасен, но сокрушим. Сокрушим при помощи веры. Сила русского народа, способность побеждать подтверждена историей. Неслучайно в «Манифесте» названы имена конкретных исторических личностей, которые заслужили доверие народа.

В литературе, посвященной анализу событий 1812 г., представлены различные точки зрения (от резко негативных до позитивных), касающиеся оценки военной и идеологической тактики государственной власти в период войны. Однако основная цель (пробудить в народе патриотические чувства) стоявшая перед властью в ситуации войны, была достигнута, в том числе, благодаря обращению к стереотипам, укорененным в народном сознании. Исход войны доказывает, что русские проявили себя как патриоты – выступали как единое целое в стремлении защищать страну, свою веру, были способны жертвовать собой во имя Отечества, – и поэтому победили.

**ПАТРИОТИЗМ И / ИЛИ ПОДДЕРЖКА ПРАВИТЕЛЬСТВА?
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г.
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ**

Бойцова Ольга Юрьевна, доктор политических наук, профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
E-mail: olga.boitsova@gmail.com

**PATRIOTISM AND/OR GOVERNMENT SUPPORT?
PATRIOTIC WAR OF 1812
AND THEORETICAL PROBLEMS OF LEGITIMATION OF THE POWER**

Boitsova Olga Yu., D.Sc. (Political Science), Professor

Lomonosov Moscow State University
27-4 Lomonosovsky prospekt, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
E-mail: olga.boitsova@gmail.com

¹ 6 июля 1812 г. // Высочайшие указы и манифесты, относящиеся к войне 1812 г. СПб., 1912. С. 7–8.

Юбилей Отечественной войны 1812 г. не только ознаменовался всплеском интереса к истории России, но и послужил поводом для дискуссии по ряду теоретических и политико-философских проблем. Среди них важнейшее место занимает вопрос о природе и принципах патриотизма, актуализированный в контексте кризиса доверия к государственной власти.

Безусловно, проблему легитимности власти неверно считать исключительно российской – в мировой политической мысли в целом этому вопросу отведено если и не центральное, то одно из важнейших мест. И все же трудно не признать, что эта тема занимает особое положение в интеллектуальной истории именно нашей страны. В России обсуждение правомочности государственной власти почти всегда выходило за рамки решения сугубо практических вопросов, приобретая глобальный, философско-мировоззренческий характер, и в то же время редко оставалось сферой исключительно академических споров, оказывая прямое воздействие на реальный политический процесс. Наверное, можно уже говорить о своеобразной традиции – на рубеже веков в России обостряются споры об основах государства и его исторической миссии, об отношении элиты к народу и граждан к властям предрержащим, о политической поддержке истеблишмента и потенциале оппозиции. Так было и век, и два, и четыре века назад. И сегодня вопрос о доверии к государству снова предельно актуален – из кабинетов ученых и аудиторий он выплеснулся на просторы Интернета, а затем и на площади. Сплав рациональной аргументации с эмоциями, разогретыми обострившимся противостоянием с политическими оппонентами, порождает пеструю палитру мнений о легитимности власти – от утверждения о необходимости для патриота России доверия к государству вообще и к действующему сегодня правительству в частности, до отрицания самой возможности их поддержки.

Перед учеными стоит непростая задача разобраться в этом клубке мнений, взглядов, убеждений и позиций. Для этого недостаточно эмпирическое исследование ситуации – необходимо обратиться к теоретическому осмыслению выдвигаемых версий, выявить как «точки консенсуса», как и «пункты расхождений», определить принципы и направление консенсусных стратегий, нацеленных на достижение национального согласия. И в этой связи понятие «патриотизм» оказывается едва ли не в центре внимания, а осмысление опыта народного единства в войне 1812 г. приобретает ценность «культурного образца».

Необходимо упомянуть, что в развернувшейся в последние годы дискуссии о народной войне 1812 г. ряд историков (по сути, оспаривая знаменитые слова А.А. Бестужева¹) если и не отрицает само наличие подобного единства в период наполеоновского нашествия, то призывает к осторожности в выводах, утверждая, что «русским крестьянам даже в годы Первой Мировой войны 1914–1918 гг. ещё не было свойственно чувство национального патриотизма, тем более трудно говорить о нём, как побудительном мотиве их действий за сто с лишним лет до этого»².

Обсуждение данной позиции здесь не представляется возможным, но даже если она и верна, это ни в коей мере не может изменить тот факт, что *осмысление post factum* войны с Наполеоном имело ключевое значение для истории отечественной политической мысли. Именно публичное обсуждение происшедшего – вопросов о том,

¹ Как известно, Бестужев писал: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России» (Письмо Александра Александровича Бестужева к Императору Николаю Павловичу из Петропавловской крепости. Гос. арх. I. № 11. URL: <http://decemb.hobby.ru/index.shtml?archive/pokaz1>).

² Маркин А.С. Г.М. Курин и отряд самообороны вохонских крестьян в 1812 г. См. Также материалы, опубликованные на портале www.1812.ru (Маркин А.С. Война и миф (К вопросу об отечественной историографии крестьянской самообороны от неприятеля в 1812 г.); Агронов Л.И. Восприятие событий Отечественной войны 1812 г. российским простонародьем); Попов А.И. Отечественная война 1812 г.: «Новые открытия» и псевдопроблемы // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции (Бородино, 9–11 сентября 2008 г.). Можайск, 2009.

«что это было», что значили для России трагические события 1812 г., какие последствия повлекли за собой, какое место в истории занимали, и т.п. – самым непосредственным образом повлияло на разграничение в отечественной общественной мысли понятий «патриотизм» (любовь к Отечеству и нацеленность на его благо) и «верноподданничество» (служение государству и безусловная поддержка верховной власти). А это имело далеко идущие последствия, поскольку сделало возможным помимо политико-практической или идейно-мировоззренческой, еще и *теоретическую* оппозицию верховной власти. Тем самым вопрос о легитимности власти был выведен за пределы проблем династической преемственности и помещен в поле рационального обоснования.

Действительно, в истории России несложно найти примеры и бунта против правителя, и фактического отстранения монарха от власти, и его физического устранения в ходе дворцового переворота. Эти проявления нежелания и неготовности принять действующего правителя могли сопровождаться – и чаще всего действительно сопровождалась – делегитимизирующим его власть «объяснением», оправдывающем неповиновение.

Вопрос о принципах и моделях подобной делегитимации нуждается в специальном исследовании, способном подтвердить или опровергнуть нижеследующий тезис, высказываемый в качестве гипотезы. Отказ в повиновении мог опираться на различные аргументы – такие, к примеру, как спорность прав на верховную власть, сомнение в «чистоте» происхождения, признание наличия «более достойного» претендента и пр., – но не затрагивал вопросов *политического режима* как такового и не выдвигал альтернативные *формы правления* как в большей мере соответствующие *благу Отечества*.

Для того, чтобы подобное стало возможным, в сознании и мыслях элиты, а и масс должно было произойти разграничение «служения Отечеству» и «служения престолу (государству)». И это разграничение приобрело четкие теоретические формы в результате осмысления Отечественной войны 1812 г. Свидетельством этому могут служить политические проекты декабристов, разработанные именно во благо Отечества и направленные против системы государственной власти¹.

Роль такого разграничения трудно переоценить, поскольку оно принципиально меняет модель легитимации власти. То обстоятельство, что становится возможным *противопоставление* национального интереса интересу верховной власти, проблематизирует ответы, ранее бывшие очевидными. Так, к примеру, оказывается, что действия правительства могут противоречить национальным интересам, а «благо Отечества» приобретает ценностный приоритет перед «интересами государства» – оно превращается в критерий оценки действий верховной власти и основание доверия к ней. В свою очередь, это ставит вопрос о субъекте и способах оценки: кто и как определяет содержание национального интереса и того, в какой мере действия правительства ему соответствуют (или не соответствуют).

Если говорить о том, каким «эхом» отзывается разграничение «Отечества» и «государства», «патриотизма» и «поддержки правительства», можно, пожалуй, особо выделить следующее.

Во-первых, поддержка государства переводится из области чего-то интуитивно понятного в статус решения, требующего рационального обоснования. Тем самым стимулируется как содержательная разработка моделей обоснования доверия к власти (в частности, политических теорий и идеологических концепций), так и оптимизация теоретико-методологического инструментария, позволяющего создавать эти модели, адаптировать их к меняющейся реальности и повышать их «привлекатель-

¹ Литература по данному вопросу весьма обширна. См., в частности, публикации, признанные классическими: Восстание декабристов. М., 1925–1986. Т. I–XVIII; Мемуары декабристов. Северное общество, М., 1981; Павел Пестель. Русская правда. М., 1993; Конституция. Соч. Никиты Муравьева, написанная его рукою в каземате крепости и представленная при ответах // Н.М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.

ность» в борьбе с иными версиями легитимации / делегитимации. При этом возникают весьма и весьма острые вопросы и об основаниях выбора между конкурирующими моделями, и о том, чего требует патриотизм в условиях «спора о ценностях» – принципиальности и непримиримой борьбы за победу «своего» культурного образца или же готовности к уступкам и компромиссу ради общего согласия.

Во-вторых, обостряется дискуссия о релевантных институциональных решениях. Даже при наличии основополагающего ценностного консенсуса и принятии общей модели легитимации власти переход на уровень «практического патриотизма» неизбежно рождает расхождения при выборе конкретных способов служения Отечеству. Споры о том, насколько адекватен определенный политический курс и данные политические институты национальному интересу и благу народа, требуют теоретической обоснованности решения сугубо практического вопроса о том, что должно именно стоять на повестке дня – сохранение выбранной траектории развития, ее корректировка или радикальное изменение.

В-третьих, в ситуации конкуренции моделей легитимации и делегитимации власти возникает задача целенаправленного формирования поддержки конкретных претендентов на роль защитника национального интереса (будь то правящая элита или оппозиция). Это делает необходимым изучение действенных в условиях данной культуры оснований легитимности – того, что Г. Моска называл «политической формулой»¹, а также технологий политического воздействия на личность и на массы.

В заключение следует отметить, что в наши дни проблема соотношения патриотизма и поддержки правительства как никогда актуальна. Ответ на вопрос о том, является ли безусловная поддержка своего правительства обязательной составляющей патриотизма, требуется каждый раз, когда мы сталкиваемся – сформулируем в предельно общем виде – с *участием* в делах государства некоего внешнего политического актора, будь то прямая вооруженная акция за или против правящей элиты или политическая и / или экономическая поддержка какой-то политической силы внутри страны против ее противников.

В наши дни поиск ответа предельно усложняется рядом факторов. Прежде всего, речь идет о процессах интернационализации и глобализации политики, размывании национальных культур и универсализации моделей легитимации, – т.е. о процессах, которые поставили в центр политических и политологических дискуссий вопросы о роли государства и пределах его суверенитета в современном мире, о возможности сохранения политического курса, не зависящего от позиции мирового сообщества. К ним примыкают и споры о формировании патриотической позиции и способах трансляции культурного образца в целом. Среди «усложняющих факторов» решения данной проблемы – ситуация мультикультурализма, ценностного плюрализма внутри одного государства при совпадении культурных паттернов аналогичных community разных стран.

Безусловно, было бы не вполне корректным «винить» во всем этом наполеоновское нашествие на Россию. Но столь не неоспоримым представляется тот факт, что именно Отечественная война 1812 г. послужила мощнейшим стимулом формирования мировоззрения, которое, противопоставив патриотизм и поддержку государства, отказало российскому самодержавию в легитимности, – мировоззрения, столь значительно повлиявшего на судьбы нашей страны.

¹ Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10, 12; Моска Г. Элементы политической науки // Социс. 1995. № 4, 5, 8.

**ПРОБЛЕМА «РОССИЯ – ЗАПАД»
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ (ДО И ПОСЛЕ 1812 г.)**

Моцелков Евгений Николаевич, доктор политических наук

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
E-mail: enm@inbox.ru

**PROBLEM «RUSSIA – THE WEST» IN DOMESTIC PHILOSOPHICAL,
POLITICAL AND HISTORICAL THOUGHT
(TILL AND AFTER 1812)**

Moschelkov Evgeny N., D.Sc. (Political Science)

Lomonosov Moscow State University
27-4 Lomonosovsky prospekt, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
E-mail: enm@inbox.ru

В отечественных литературных источниках почти всех веков российской истории можно найти множество различных суждений о российской земле и ее народе, о том, чем они отличаются от других, и прежде всего, западных стран и народов. Можно даже сказать, что сравнение себя с Западом, определение себя на фоне Запада является постоянной темой, вечным вопросом, над которым бьется русская мысль.

Конечно, в основе данной проблемы «Россия и Запад» было стремление познать, прежде всего, Россию, а не Запад, который в данном случае выполнял роль отражательного зеркала, некоего мерил прогресса. И тем самым искомую формулу можно свести к вопросу: «Что такое Россия (на фоне Запада)?».

Данная проблема была не в последнюю очередь обусловлена реальным влиянием западноевропейской экономики и культуры, которое испытывала Россия на всем протяжении своего исторического развития. Выдающийся русский историк В.О. Ключевский считал, что такое влияние реально существует, но пагубным образом сказывается на развитии России. Так, например, серьезные негативные последствия для нравственных основ русского общества и государства, по мнению Ключевского, имело наиболее интенсивное проникновение на Русь западных ценностей и норм, которое произошло в XVII в. «До XVII в., – писал Ключевский, – русское общество отличалось цельностью своего нравственного состава ... Западное влияние разрушило эту цельность ... Раскол, происшедший в русской церкви XVII в., был церковным отражением этого нравственного раздвоения, вызванного западным влиянием в русском обществе. Тогда стали у нас друг против друга два мировоззрения, два враждебных порядка понятий и чувств. Два лагеря»¹.

Итак, для Ключевского влияние Запад является отрицательным фактором, во всяком случае, для нравственного развития российского общества.

Позже, в советской историографии появляется более нейтральная трактовка проблемы «Россия и Запад». Эта трактовка была связана с идеей «развилки», или «выбора пути» исторического развития России.

Один из известных историков того времени А. Зимин, например, находил такую «развилку» на российском историческом пути в XV в. Россия, по его мнению, имела тогда выбор между военно-элитарной и торгово-промышленной или раннебуржуазной моделями, перспективами развития. В силу ряда исторических причин и обстоятельств, страна, по мнению А. Зимина, пошла по первому пути².

Другой историк и философ Н. Эйдельман говорит уже о ряде таких исторических «развилки»: «Несколько раз, начиная с XVI в., – писал он, – в русской истории

¹ Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра // В.О. Ключевский. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 13–14.

² См.: Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России в XV в. М., 1991. С. 191–211.